П. И. Гришанин

ИСТОРИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ЛИЦАХ КАК ИННОВАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЖАНРОВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

На рубеже XX–XXI столетий в изучении истории Белого движения начали размываться границы между «наукой» и «публицистикой». Усиление эмоций в науке, мимикрия научности в публицистике манифестируют произошедшее нарушение жанровых границ. Профессиональные историки начинают создавать работы на стыке литературного и научно-популярного жанров. Объясняется это исключительно потребностью объективно разобраться в сложных перипетиях братоубийственной войны, а главное, показать, что у каждого генерала были свои слабости, своя боль, свои достоинства, но их всех объединяло одно – любовь к Родине. Поэтому историки превращаются в литераторов, а последние презентуют себя как историки.

P. Grishanin

HISTORY OF THE WHITE MOVEMENT THROUGH PERSONALITY STUDY AS A RESEARCH INNOVATION IN CONDITIONS OF GENRE CONVERGENCE

At the turn of the 21st century the borders between "science" and "publicism" in studying the White Movement history started diffusing. Emotion intensification in science and mimicry of a scientific character in publicism manifest the genre bounds violation. Professional historians begin to produce works at the turn of literary and popular science genres. This is explained purely by the need to study complex peripeteias of the fratricidal war objectively and, which is more important, to show that every general officer had his own weaknesses, troubles and merits, but they all were united by love for their country. Therefore historians turn into literati, and the latter present themselves as historians.

Не секрет, что одной из особенностей современного исторического знания является ослабление его идентификационного потенциала в связи с тем, что оно находится в достаточно конкурируемой среде. Инструментализация истории сталкивается с популяризацией научных критериев знания, что приводит к ситуациям, в которых личные или коллективные воспоминания противоречат официальной версии истории.

В развитии исторического знания наблюдаются две взаимообусловленные тенденции: с одной стороны, происходит процесс растворения истории в настоящем, а с другой – чрезмерное доверие не к истории, а к памяти. В результате, как считает швейцарская исследовательница И. Эрманн, «новая история не объясняет, куда ведет будущее – роль которую она издавна исполняла. Она больше не может быть моделью будущего»[1].

В определенной степени это явилось следствием высокой политизированности едва ли не всех сюжетов русской истории в конце 80-х гг. XX в., когда так называемое благополучие в будущем напрямую связывалось с тем, насколько правдиво будет описано прошлое. Отечественный исследователь А. Б. Каменский подчеркивает, что «сегодня у российского общества по отношению к истории и историкам нет завышенных ожиданий, а значит, попытки вновь придать истории и, в особенности преподаванию истории, идеологическое звучание, которые активизировались в последнее время, в сущности, обречены на провал»[2].

В то же время нельзя не отметить, что именно на рубеже XX–XXI столетий в изучении истории Белого движения стали доминировать тенденции развития исторического знания 1985–1991 гг. – начали размываться границы между «наукой» и «публицистикой». Усиление эмоций в науке, мимикрия научности в публицистике манифестируют произошедшее нарушение жанровых границ. Профессиональные историки начинают создавать работы на стыке литературного и научно-популярного жанров. Объясняется это исключительно насущной потребностью объективно разобраться в сложных перипетиях братоубийственной войны, а главное, как считает один из ведущих исследователей Белого дела на юге России А. В. Венков, с помощью «галереи портретов» показать, что у каждого белого генерала были «свои слабости, своя боль, свои достоинства», но их всех объединяло одно – любовь к Родине[3]. Поэтому историки превращаются в литераторов, а последние презентуют себя как историки.

Все это укладывается в рамки постмодерна, который, по мнению отечественной исследовательницы М. Ф. Румянцевой, характеризуется «изменением типа памяти от исторического, служащего коллективной

идентификации социума в историческом пространстве, к иному типу памяти, который служит идентификации индивидуума во всем пространстве культуры»[4].

Литературный бум вокруг героев Гражданской войны поражает беспрецедентным размахом. Сама же литература становится полем своеобразной координации многочисленных представлений о Гражданской войне. Консолидированный поиск целостного взгляда на трагические события 1917–1920 гг. начинает проявляться в жанровой конвергенции как одной из особенностей современного общественного сознания. Все чаще можно столкнуться с использованием литературно-художественных (или кинематографических) доказательств обоснования тех или иных научно-теоретических концепций. При этом сами морально-нравственные призывы начинают получать статус новых теоретиче-ских истин. Интеллектуализация современной литературы в форме научной мимикрии свидетельствует об активном превращении популярных идей в руководящие и всеобщие социокультурные принципы.

С соответствующими предисловиями выходят различные документальные сборники, например, «За спиной Колчака» и серия «Белые воины»[5]. Появляются научно-популярные серии, многие книги которых посвящены положительному изображению Белого движения и его лидеров, например «Россия забытая и неизвестная»[6].

За основу новых произведений берутся, как правило, биографии отдельных лидеров Белого движения, изображаемых исключительно в тональностях национальных героев многострадальной России и даже более того. По оценкам, например, Д. М. Володихина, «герои Белого дела – светские мученики, страдальцы за Россию, за государя, за веру. Последнее православное воинство перед долгой ночью»[7]. С помощью персоналий авторы стараются раскрыть механизм функционирования противобольшевистского движения в период Гражданской войны. Известный исследователь российских революций А. И. Козлов, опубликовавший немало работ о жизни и деятельности А. И. Деникина, в одном из своих первых исследований в режиме так называемого конвертируемого жанра признает, что современному читателю крайне интересно узнать «жизненное кредо одной из крупнейших личностей конца второго тысячелетия». Козлов убежден в том, что именно таким образом можно «непосредственно и конкретно осмыслить уроки истории, связанные, в частности, с глобальной проблемой насилия и злополучной судьбы нашего государства»[8].

Особенно ярко выше обозначенное проявляется в издающейся московским издательством «ВЕЧЕ» серии «Досье без ретуши», в рамках которой вышло несколько книг, посвященных одним из главных представителей Белого движения – Л. Г. Корнилову, А. В. Колчаку, Н. Н. Юденичу и Г. М. Семенову[9].

Сначала стоит обратиться к одному из основателей Белого дела генералу Л. Г. Корнилову. Военный историк А. В. Шишов называет его «одним из главных зачинателей Гражданской войны»[10], что в принципе и является таковым. Следует отметить, что работы Шишова по Белому движения отличаются акцентированием внимания именно на военные действия во время Гражданской войны. Опираясь на множество документов и свидетельств, исследователь конструирует образ Корнилова, как самого белого среди всех белых генералов[11]. Шишов отмечает, что Корнилову были присущи природная сообразительность, тяга к знаниям, начитанность. Особо отмечается, что Корнилов был человеком решительным, не теряющим самообладание в критические минуты, умеющим не только командовать тысячами людей, но и заставить подчиненных верить в себя; акцент делается на твердые понятия Корнилова о чести и воинском долге. Показывая Корнилова на русско-японской войне, автор

пишет о его профессионализме в качестве военного разведчика, однако, добавляя при этом, что сугубо военному человеку Корнилову было очень тяжело вписаться в дипломатический мир, несмотря на его способность хорошо разбираться в тонкостях человеческих взаимоотношений. Причину Шишов видит в сильно проявляющейся самостоятельности генерала[12]. Это качество автор на протяжении всей книги будет показывать в действиях Корнилова.

Шишов постоянно подчеркивает, что Корнилов был сильной личностью, готовой поднять белое знамя контрреволюции и начать в России Гражданскую войну, хотя при этом и был противником всякой дезорганизации в военном деле. По мнению исследователя, «к концу своего пребывания на посту главнокомандующего Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов уже фактически стал лидером тех сил в рядах русской армии, которые стояли за старую Россию. За монархию, за «единое и неделимое» российское Отечество. За спасение русской армии с ее славным боевым прошлым от окончательного развала»[13].

Деятельность Корнилова как военачальника до Гражданской войны оценивается положительно. Он изображается командующим, способным решать крайне сложные тактические задачи. Именно ему автор приписывает остановку отступления фронта летом 1917 г., отмечая энергичные меры Корнилова по наведению порядка в тылу, его волю, высокий организаторский талант и способность пойти на крайние меры. Оценка военной деятельности Корнилова за период до начала Гражданской войны в целом сводится к одному: «Русский генерал был военным профессионалом самого высокого класса. Да еще к тому же отличавшийся редкой личной храбростью на поле брани»[14].

Восхваление Корнилова идет по нарастающей. Чуть выше исследователь будет писать о том: «генерал смотрелся одним из редких военных деятелей, который твердо знал, чего он хочет, который не являлся, как большая часть русского генералитета, тайным монархистом, который был настоящим выходцем из трудового народа, достигшим своего высокого положения лишь благодаря природным способностям»[15]. Анализируя действия Корнилова во время его августовского выступления 1917 г., Шишов приходит к выводу, что в его сознании созрело убеждение о том, что спасти Россию и ее армию может только военный переворот с установлением военной диктатуры, во главе которой находилась бы сильная и популярная личность. По мнению автора, реально оценивал ситуацию и наиболее трезво мыслил только его герой – Корнилов. Одну из причин неудачи корниловского выступления Шишов видит в отсутствии в окружении генерала надежных людей и времени для сплочения вокруг себя большой воинской силы. В связи с этим, Шишов называет Корнилова «несостоявшимся диктатором», что и выносится в название книги.

Далее, характеризуя Корнилова, Шишов показывает, что генерал не заботился о своей судьбе и не всегда думал только о ближайших сподвижниках, что, по мнению автора, говорит о порядочности генерала. Характеризуя Корнилова как деятеля Белой армии, Шишов пишет о противоречиях в отношениях ее вождей, в первую очередь между Корниловым и М. В. Алексеевым. По мнению историка, они мало подходили друг к другу, и, имея огромный опыт Первой мировой войны, оба готовы были возглавить Белое движение. Однако, несмотря на постоянные конфликты Алексеева и Корнилова и их разные взгляды на многие проблемы, в том числе и политического характера, автор называет их единомышленниками.

В работе немало характеристик и других деятелей Белого движения, которые приводятся с целью оттенить образ Корнилова. Так, генерал А. С. Лукомский показывается как человек с высоким пониманием долга и высокими организаторскими способностями генштабиста. А. И. Деникин представляется нам идейным корниловцем, который всегда был верен памяти зачинателя Белого движения. Его, как и М. В. Алексеева, по

мнению автора, «интересовали прежде всего реальные, потенциальные возможности созданной их трудами армии корниловцев-добровольцев»[16]. Полковник Я. А. Слащев предстает перед нами авторитетной среди офицерства фигурой и одним из главных представителей Белого движения на местах. В. Л. Покровский изображается решительным и смелым человеком.

Высокая оценка дается атаману А. М. Каледину, который, по мнению автора, являлся надежным союзником Корнилова и Алексеева, остро чувствовал настроения казачества, уставшего от войны и желавшего вернуться к мирной жизни. Каледин показывается мужественным человеком, под конец понявшим безвыходность собственного положения. Шишов пишет, что Каледин видел симпатии населения Дона к добровольцам, и сам оценивал их как воинскую силу, верного союзника, который не отступит перед атаками советской власти. Добровольческая армия называется главной воинской силой Донского правительства. Вообще Шишов пишет о добровольцах, как о стойких дисциплинированных бойцах, которые поднимались в атаку по первому же приказу и на которых можно было положиться. Несмотря на то, что еще в начале 1918 г. Добровольческая армия была слабой по вооружению и снаряжению, она была сильна в моральном отношении, потому что «в своем подавляющем большинстве добровольцы были профессионалами»[17].

«Ледяной» поход изображается героическим действием Добровольческой армии. Вместе с этим говорится о талантливом управлении походной колонной и высокоорганизованных действиях самого Корнилова, чье имя «становилось все более популярным на благодатном российском Юге»[18]. Корнилов, по мнению Шишова, одним своим видом вносил воодушевление в армию и успокоение раненным, к которым чутко относился и болел за них душой. Гибель приближенного к Корнилову полковника М. О. Неженцева показывается как очень значимое событие для добровольцев и лично для генерала Корнилова, после которой он стал задумчив и угрюм. Неженцев представляется бесстрашным человеком и одним из самых способных военачальников.

Шишов заключает свое повествование о Корнилове очередной характеристикой генерала, как талантливого ученого и военного разведчика, владевшего шестью языками, как человека офицерской чети и личного бескорыстия, и как бескомпромиссного патриота России, в которого верила и которого боготворила часть соотечественников. Отмечается, что имя Корнилова почиталось в Белом движении до конца его существования[19].

Таким образом, можно заключить, что автор изображает Корнилова и лидеров Белого движения практически исключительно в положительном качестве, иногда приводя свидетельства, говорящие об их отрицательных сторонах, но в то же время, представляя их как героев России и бесстрашных бойцов за свое дело.

Созвучна данной работе монография Н. А. Черкашина «Диктатор поневоле», вышедшая в этой же серии, но посвященная А.В.Колчаку. В ней также стоит сказать, что основное внимание уделяется военным заслугам Верховного правителя России. Исследователь привлекает значительное количество документов и воспоминаний современников, тем самым, предоставляя читателю возможность самостоятельно оценивать военную и политическую деятельность адмирала Колчака.

Черкашин акцентирует внимание на Колчаке как очень мужественном человеке. Он умел превозмогать страх, хорошо знал, что такое военный риск, и делал, несмотря на явную опасность смерти, все, что нужно для боя. Колчак видится автору талантливым офицером, блестящим предводителем флота, который был создан для этого, который знал о море все, что только можно знать. Черкашин показывает, что если какие-то промежутки в жизни Колчака протекали без моря, без его дела, то он необычайно тосковал. Говоря о начале де-

ятельности Колчака в Белом движении, Черкашин отмечает, что Колчак пошел в 1918 г. «спасать Россию с тем же безумным риском и стой же самоотверженностью, с каким спасал когда-то Толля»[20] (имеется в виду полярная экспедиция Колчака по спасению барона Толля).

Автор характеризует Колчака как первоклассного штабиста, аналитика, организатора и блестящего публициста, который умел заворожить слушателей и читателей. В доказательство этому приводятся собственноручные записи Колчака и свидетельства современников. Отмечается, что Колчак был практически самым лучшим российским командующим флота в Первой мировой войне. Он лично выходил почти на все разработанные им операции, что повышало его авторитет в глазах других командующих и прежде всего молодых офицеров, которые видели в нем кумира, уважали его и постоянно говорили о нем[21].

Как дань моде автор обращает внимание на генеалогию Колчака, в котором текла казачья кровь. Он отмечает, что это способствовало его деятельности, так как все, что было присуще казакам – удаль внезапных налетов, хитрых ловушек, тихих подкрадываний и стремительных бросков. Колчак был энергичным, дерзким и удачливым офицером. Все это, по мнению исследователя, Колчак пытался перенести и в свою деятельность в Белом движении, ведь он был военным человеком до мозга костей и видел только два выхода из войны – проиграть ее, либо выиграть.

Когда Колчак в 1917 г. остался не у дел, он не находил себе места. Черкашин объясняет это тем, что премьер-министр Временного правительства А. Ф. Керенский видел в Колчаке, так же, как и в Корнилове, самого вероятного претендента в военные диктаторы, а следовательно, видел в нем своего политического соперника. Черкашин говорит, что именно из-за этого он отправил Колчака в Америку, а Корнилова подставил в августе 1917 г., спровоцировав тем самым военный путч. Кандидатура Колчака в военные диктаторы объясняется его большой популярностью как командующего флота, а также тем, что лучше Колчака никто не понимал, что флот и армия обречены на поражение, развал и гибель. Эти утверждения является очень спорным, но отражает позицию автора, который явно стоит на стороне своего героя. В то же время Черкашин признает, что Колчак всегда в жизни ставил перед собой практически недосягаемые цели: достижение Южного полюса, желание отстоять Порт-Артур, возвращение христианам Софии, попытки вывести Россию из кровавой Гражданской войны. Но и тут автор пытается оправдать своего героя: «Все эти замыслы не имели ничего общего с бонапартизмом. Просто сильный характер оттачивается на запредельных задачах»[22].

Говоря о приходе Колчака к политической власти в Сибири, исследователь показывает, что переворот был совершен не Колчаком, а для Колчака. Опять же начинается оправдание адмирала. Черкашин пишет, что Колчак не рвался к власти, являвшейся для него тяжелым крестом, от которого он не мог отклониться. Не позволяли гражданский долг и офицерская честь. Причем автор своеобразно легитимизирует власть Колчака, отмечая, что адмирал знал Россию лучше любого из всех политических лидеров и поэтому имел моральное, и, что самое интересное, юридическое право быть Верховным правителем России. Но при этом исследователь вновь повторяет, что сам Колчак не любил этот титул[23]. К очередным достоинствам Колчака автор относит и то, что он был глубоко верующим человеком, хотя многое свидетельствует об обратном.

Вообще на протяжении всего исследования явственно просматриваются антипатии Черкашина к большевикам, которые для него являются «самозваными пришельцами», захватившими власть. Им противопоставляется Колчака, имевший все основания для обладания верховной властью. Автор акцентирует внимание на том, что

имя Верховного правителя, как и имя Корнилова, стало символом для тысяч не признавших большевистскую власть и присоединившихся к нему. По мнению Черкашина, такие лидеры Белого движения, как А. И. Деникин, Н. Н. Юденич, С. Л. Марков, безоговорочно признали власть адмирала, так как он обладал самым высоким нравственным авторитетом[24]. Натянутость отношений Колчака с союзниками-интервентами объясняется его твердостью и самостоятельностью.

Продолжая восхвалять имя Колчака, Черкашин говорит о множестве лжи и фальсификаций, которые со временем были воздвигнуты вокруг имени Верховного правителя. Естественно, Колчак не был монархистом, марионеткой союзников или кровавым палачом. Но всю эту идеологизированную «советскую ложь» автор называет «курганом его памяти»[25]. Говоря о разгроме армии Колчака и его гибели, Черкашин замечает, что это не личная трагедия адмирала как политика или военачальника и не частная беда его сподвижников, а боль и кровь всего народа. При этом автор вновь возвращается к своим тенденциозным оценкам большевиков, отмечая, что их победа в ужасной Гражданской войне есть пиррова победа.

Черкашин отмечает, что Колчак не был политиком, но преподносит это как явный плюс в адрес адмирала, особенно в сравнении с политическими способностями В. И. Ленина, который обладал высшей степенью человеческой изворотливости и хитроумия. А Колчаком вела прекрасная, с точки зрения автора, идея спасения России, не понимаемая и не признаваемая большинством из руководящего ядра Белого движения[26]. Именно поэтому Черкашин исключает причастность адмирала к белому террору, поскольку он был не такой, как Л. Д. Троцкий или И. В. Сталин, и не мог расстреливать даже конкурентов, так как это был его народ. В качестве одной из причин поражения Колчака автор приводит его одиночество, отмечая, что окружение Колчака состояло из продажных и трусливых людей, которые только ждали его военных успехов.

Колчак для Черкашина главный и единственный герой его произведения, в котором нет развернутых характеристик других деятелей Белого движения. Исключение составляют атаман Семенов, опьяненный своими военными успехами, да генерал Каппель, способный и талантливый военачальник, который возложил на себя бремя ответственности за колчаковскую армию, когда она уже была обречена и никому не нужна.

Для Черкашина Белое движение олицетворяется Колчаком, исключительно положительной личностью, легитимным правителем России, который был избран членами законного Учредительного собрания и не совершившим ни одного военного преступления. В целом, исследование Николая Черкашина есть великолепный пример панегирика Белому движению и одному из его представителей.

В аналогичных тональностях написаны и книги А. А. Смирнова, посвященные противобольшевистской борьбе атаманов П. Н. Краснова и Г. М. Семенова. Их главной целью было научить потомков «смотреть», «читать», «думать» и «помнить»[27]. При этом исследователь постоянно подчеркивает, что пытается отойти от беллетризированного изложения послужного списка своих героев, а изобразить саму эпоху, в которой приходилось им действовать.

Еще одна книга, посвященная видным деятелям Белого движения, а именно атаманам, вышла в серии «XX век: история. Лики, лица, личины»[28]. Книга «Три атамана» повествует об атаманах, сыгравших большую роль в Белом движении – А. И. Дутове, Г. М. Семенове и менее известном Д. Д. Тундутове-Дундукове. Большая часть книги представляет собой тексты различных документов и воспоминаний современников. Многие документы публикуются впервые и представляют собой материалы из рассекреченных архивов ФСБ. В то же время присутствует и оценка этих личностей авто-

ром. В. В. Марковчин сразу заявляет, что именно личностей в них не видно и по всему повествованию прослеживается отрицательная оценка атаманов.

Автор отмечает, что почти везде в казачьих областях недолюбливали бывших царских генералов и офицеров, которые возглавляли борьбу с Советской Россией в Гражданской войне на Юге России, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Особенно ярко это проявлялось в южных областях России. Этот фактор автор считает одним из главных причин закономерного краха Белого движения. Остальные же причины являются, по его мнению, менее значительными.

Интересны характеристики атаманов, приводимые автором. Дутов называется одним из самых бесстрашных атаманов Гражданской войны. Талантливый командир, в отличие от многих других представителей Белого движения никогда не замыкался на решении только чисто военных вопросов. Не признавая какие-либо компромиссы, ярый враг Советской власти Дутов «ежедневно и еженощно боролся с властью большевиков всеми доступными средствами»[29]. Характеризуя Дутова как крупного государственного и военного деятеля прошлого века, автор отмечает, что атаман довольно хорошо разбирался во всех тонкостях хозяйственной политики в крупных регионах и еще во множестве других вопросах. Дутов отличался приветливостью и простотой в общении, всегда был спокоен и внимателен к собеседникам и производил исключительно положительное впечатление.

Когда прошла эйфория военных побед и настали сплошные неудачи, началась агония режима адмирала Колчака. В обстановке полного хаоса, как отмечает Марковчин, что она сопровождалась массовыми назначениями и переназначениями генералов и различных чиновников, которые были отстранены ранее, выпуском сотен бесполезных указов и директив, уже через несколько часов устаревавших. Полностью подконтрольная Колчаку официальная пропаганда уже не могла вселить в обывателя надежу в скорую победу и веру в завтрашний день. Все это, особенно падение Омска, являлось глубочайшей трагедией для Дутова, трагедией военачальника, человека и гражданина. Но, несмотря на это, надежды на перемены все равно оставались у Дутова. Автор удивляется маниакальному стремлению Дутова к подготовке различных мятежей против Советской власти, а, следовательно – новой войны. Марковчин пишет, что для Дутова люди были только разменной монетой и «пушечным мясом», с помощью которых он пытался реализовать свои утопические мечты. «В этом отношении генерал не был оригинален»[30].

К атаману Семенову же автор совсем не расположен. Он пишет о целом арсенале минусов атамана: откровенная «государственная» слабость, авантюризм и характеристика Семенова как политического проходимца. О русском золоте, которое Семенов получил от адмирала Колчака, автор говорит просто – атаман откровенно своровал его. Как заключает Марковчин: «Можно бесконечно долго перечислять все «заслуги» атамана Семенова»[31].

Таким образом, хотя собственного текста автора в книге гораздо меньше, чем приводимых документов, то уже буквально с первых строк видно предвзятое отношение автора к своим героям. Эта книга, пожалуй, является неким исключением в современном изображении лидеров Белого движения в литературе.

На этом фоне весьма интересными представляются исследование В. В. Синюкова о Колчаке, именуемом «рыцарем без страха и упрека»[32], а также работа В. Г. Краснова «Врангель. Трагический триумф барона», написанная на документах, воспоминаниях участников тех событий и на собственных мемуарах генерала П. Н. Врангеля[33].

Он предстает перед нами резким человеком, нетерпимым к промахам других. Его возвышение в Белом движении шло одновременно с падением престижа Деникина. «Викинг XX века, суровый, спокойный и величавый, готовый бросить вызов судьбе»,

он подавал надежду войскам, которые видели в энергичном молодом полководце спасителя, ниспосланного судьбой. В. Г. Краснов показывает, что Врангель железной рукой стал приводить в порядок белую армию, избавляя ее от всего самого мерзкого, что осталось от Деникина: казнокрадства, разложения, воровства, которые разъедали армию и тыл. После того как Врангель вдохнул в армию новую силу, словно чудом из разложившихся частей, потрепанных и разрозненных войск, буквально на глазах выросли боевые корпуса. Врангель, как солдат и гвардеец, строил армию нового типа, строил ее по своему образу и подобию – гвардейскому. Автор отмечает, что Врангель смело выдвигал одаренную молодежь, которую ставил выше заслуженных деникинских старших офицеров, которых называет «астматическими деникинскими рептилиями»[34]. После того как Врангель снимал погоны с «разжалованных, закоснелых в своей тупости полковников», отправляя их в рядовые, тем самым, давая расплатиться за прошлое, храбрые молодые прапорщики становились во главе полков. Краснов отмечает, что это вызывало горячий восторг в армии, и, несмотря на наполеоновское честолюбие Врангеля, он был гораздо лучше «старой развалины» Деникина.

Повествуя о Врангеле в смутное время революций, автор пишет, что Врангеля потряс факт отречения от престола Николая II, так как убежденный монархист Врангель не знал, чем можно заменить власть. А в решении великого князя Николая Николаевича подчиниться Временному правительству и передать Верховное главнокомандование генералу М. В. Алексееву Врангель видит роковое для страны и армии событие. Краснов пишет, что Врангеля глубоко возмущали общая трусость, малодушие и раболепие перед новой властью солдат, офицеров, чиновников и, самое главное, ближайшего окружения царя[35]. Отмечается, что Врангелю с детства был привит взгляд, что армия должна стоять вне политики. Хотя потом видно, что Врангель не очень-то его впоследствии придерживался.

Повествуя о корниловском выступлении в августе 1917 г., В. Г. Краснов считает, что оно лишь привело к стремительному нарастанию развала государства и армии, против которого и боролся Корнилов. По мнению автора, иначе и не могло произойти, так как массы увидели в корниловском выступлении реальную угрозу революционным завоеваниям, которые отождествлялись с демократическими. Они видели в выступлении попытку военной реакции вернуть старый режим. В ответ же на это начался лишь бурный рост революционного движения, которое часто было стихийным и анархическим. Самого генерала Корнилова автор характеризует как склонного к «зарывчатости» генерала, который умел сочетать напористость с готовностью иди на компромисс и быть податливым, когда этого требовали его личные интересы.

Говоря о Белом движении, В. Г. Краснов дает разные характеристики армии и различным ее деятелям. Так, отряд есаула А. Г. Шкуро большей частью болтался в тылу и грабил, Добровольческая армия в целом проигрывала красным в техническом отношении, в количестве воинов, но ее спасало лишь то, что у красных было неумелое руководство и отсутствие дисциплины, что сводило все превосходство на нет[36]. Генерал В. Л. Покровский и полковник Шкуро не сумели или не пожелали положить необходимый предел неизбежного грабежа населения со стороны частей и резко не провели грань дозволенного и недозволенного, что потом отрицательно сказалось на армии. Самый молодой из крымских генералов Слащев характеризуется энергичностью, жестокостью и авантюризмом. Савинков изображается как крупный мастер политических интриг. Генерал Деникин в начале своего командования показывается как вдумчивый, твердый, чисто русский человек, имеющий репутацию честного солдата, храброго, способного и

обладающего большой военной эрудицией начальника, всегда независимо и твердо выступающий за защиту чести и достоинства армии и офицерства[37]. Приход Врангеля в Добровольческую армию и его вступление в должность временного командующего 1-й Конной дивизией объясняется тем, что в армии просто отсутствовали кавалерийские начальники, иначе Врангеля вряд ли бы поставили на эту должность, так как в Ставке всегда строго выдвигали на командные должности только участников Ледяного похода, наиболее долго служивших в Добровольческой армии. Врангель таким не был. Еще один минус армии автор видит в том, что в беспрерывных походах и боях состав частей постоянно менялся, а состав офицеров был часто случайный и сборный, что делало невозможным правильное обучение и планомерную подготовку войск.

Изображение Врангеля как командующего до принятия им верховной власти исключительно положительное. Автор отмечает, что Врангель после каждого боя собирал офицеров и разбирал ход боевых действий, указывая на те или иные ошибки, принял меры по улучшению связи, лично проверял службу летучей почты, и у него была возможность почти ежедневно объезжать все полки. Начальные неудачи Врангеля, когда полки не шли за ним, объясняются тем, что Врангель еще не смог взять их в свои руки и еще отсутствовала духовная связь между начальником и подчиненными, а без нее не может быть никаких успехов. Но когда были одержаны первые победы, упоение успехом сразу создало духовную связь и доверие к начальнику, что и составляет мощь армии. «С этого дня Врангель овладел своими частями, и отныне дивизия не знала поражений»[38].

Вообще Добровольческая армия в первый год своего существования изображается не самым лучшим образом. Аналогия проводится с Красной армией. В. Г. Краснов отмечает, что в первый период Гражданской войны одна сторона дралась за свое существование, а в рядах другой было все отрицательное, что проявилось в период разложения старой русской армии. Озлобление с обеих сторон доходило до крайнего предела, и в таких условиях невозможно было соблюдать законы войны. Красные безжалостно уничтожали своих противников, брали заложников и добивали раненых, грабили и уничтожали станицы. Белые поступали точно так же, однако отмечается, что они это делали в ответ, так как видели безжалостную жестокость своего врага. Белые части жили исключительно местными средствами, имели недостаток во всем и видели в военной добыче собственное добро. Бороться с этим было практически невозможно, и Врангель старался лишь не допустить произвола и как можно правильнее распределять между частями военную добычу. Офицерство так же представляется не самым лучшим образом. Они все время пьянствовали, вели распущенную жизнь и сорили деньгами. Особенно этим отличался полковник Шкуро, чьи партизанские отряды «представляли собой не воинскую часть, а типичную вольницу времен Степана Разина. Сплошь и рядом ночью после очередной попойки Шкуро со своими «волками» несся по улицам города, с песнями, гиком и выстрелами»[39]. Краснов отмечает, что об этих безобразиях знал штаб Добровольческой армии, но ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат. Гражданская война вообще характеризуется жестокой, беспощадной и странной, шедшей до полной победы. Странная она была потому, что бои преимущественно шли за населенные пункты и железнодорожные станции. И ни красные, ни белые часто толком и не знали расположение и силы своего противника.

В противовес личности Деникина автор характеризует представителей других белых армий. П. Н. Краснов показывается не только умелым военным, но и политиком, который смог использовать немцев и с помощью них создать собственную армию. Его преемник на посту атамана войска Донского генерал А. П. Богаевский показывается мягким человеком, который ста-

новится послушным орудием Ставки. Деникин же показывается человек ничего не понимающим в политике. Провозглашенный им лозунг «Единой, Великой и Неделимой России» называется туманным и неопределенным. Он с каким-то фанатизмом шел на борьбу со всем тем, что шло вразрез с этой провозглашенной им истиной.

Когда рассказывается о конфликте Деникина и Врангеля и разрабатывающейся Деникиным стратегией похода на Москву, отмечается честолюбие Врангеля. Видимо, он решил, что со своей потрепанной армией новой славы не заработаешь, и понял ошибочность своей идеи главными силами двигаться на соединение с Колчаком, чья армия отступала и была уже недосягаема. Поэтому он решил возглавить крупную массу конницы на центральном направлении на Москву, где наметился успех. Однако в своей «Московской директиве» Деникин дал ему другое направление, и В. Г. Краснов называет эту директиву одновременно и началом триумфа генерала Деникина, и началом его поражения.

Взятие Царицына Врангелем способствует росту его авторитета – он становится самым популярным в офицерской среде генералом. Автор отмечает, что в сравнении с Деникиным Врангель выигрывал даже внешностью: «Его высокая фигура, затянутая в черкеску, и характерный «волчий» взгляд действительно производили впечатление»[40]. Краснов заключает, что поэтому неудивительно было, что генерал Деникин видел во Врангеле опасного соперника. Как результат – с августа 1919 г. отношения Деникина с Врангелем стали быстро ухудшаться и это знали абсолютно все вне Ставки. Автор объясняет суть их разногласий стремлением Деникина и Врангеля к лидерству на Юге России, сохранением неограниченной власти и овладением главной силы для борьбы с большевиками – Вооруженными Силами Юга России.

Анализируя воспоминания Врангеля, В. Г. Краснов приходит к выводу, что он иногда передергивает факты. Он отмечает, что в мемуарах Врангеля обращает на себя внимание постоянное стремление генерала акцентировать внимание читателя на просчетах и неверных шагах генерала Деникина и говорится о его личных правильных действиях. Краснов замечает, что это естественно, так как мемуары деятелей Белого движения, за редким исключением, для того и писались, чтобы показать свою роль и значимость в различных событиях. Нелюбовь Врангеля к генералу К. К. Мамонтову автор объясняет обидой Врангеля на то, что успех блестящего 40-дневного рейда достался именно Мамонтову, а не ему. В. Г. Краснов объективно оценивает результаты того рейда и приходит к выводу, что возложенная Главным командованием на Мамонтова задача была в полной мере выполнена. Рейд был выполнен образцово, несмотря на увлечение его участниками разграблением населенных пунктов, но В. Г. Краснов оправдывает это, так как разграбление шло в основном на обратном пути, когда было отказано в дальнейшем наступлении на север. В. Г. Краснов пишет, что если бы соединения Вооруженных Сил Юга России двинулись вперед, то отбросили бы противника к северу. Но этого не случилось, так как Деникин бросил все силы на Москву. Отмечается, что Москва для Деникина была всем: и безграничной властью, и громкой славой. И он не хотел это делить с кем-либо еще. Именно поэтому он отодвинул на второй план Врангеля, который мог помочь как блестящий кавалерийский начальник, и Мамонтова, который успешно и решительно стал продвигаться на север[41]. Вообще, автор отмечает, что честолюбие было присуще и Деникину, и Врангелю, и Мамонтову, и Колчаку, и многим другим белым военачальникам. Просто все они рвались к большой славе. Именно это В. Г. Краснов и называет одной из главных причин краха белого дела в России, так как достичь общего успеха в борьбе с большевиками было невозможно. Обстановка сложилась так, что Мамонтову без поддержки было неце-

лесообразно идти дальше на север. И сам генерал Мамонтов, как считает автор, счел свое дальнейшее продвижение проигрышным и вернулся обратно, так как поддержки ему не было. А на некоторых участках фронта даже началось отступление белых войск, что меняло обстановку в пользу Красной армии. После всех этих событий вера в высшее командование была в значительной мере поколеблена.

Продолжая проводить аналогию Врангеля с Деникиным, В. Г. Краснов пишет, что Врангель был решительным и весьма удачливым военачальником, в чем ему проигрывал мягкотелый Деникин. К тому же Врангель был осторожен, не рисковал зря и предпочитал сначала советоваться, получать точные указания свыше и уже потом действовать наверняка. Но В. Г. Краснов отмечает, что приближение и Деникина, и Врангеля не отвечало требованиям дня и поэтому в тогдашней российской обстановке все было предопределено и вопрос заключался лишь во времени поражения, так как армия все равно бы проиграла, даже если бы ее на Москву вел Врангель. Стремление людей к Врангелю, его торжественные встречи только все больше подпитывали во Врангеле его тщеславие и стремление к славе. Но автор отмечает, что для Врангеля, как и для любого удачного военачальника, это вполне естественное качество. Поездку Врангеля в Екатеринодар во время отступления его армии к Царицыну расцениваются автором просто: «Врангель фактически бросил свою армию в критической для нее ситуации»[42]. А ситуацию, когда Врангель отказался посетить Законодательную раду, так как ему сначала не прислали официального приглашения, говорит о его баронской гордости. В. Г. Краснов замечает, что в этот момент личные амбиции Врангеля взяли верх над интересами его армии[43].

Автор замечает, что Деникин и его штаб не отдавали себе отчета о размерах понесенного поражения в походе на Москву и отказывался даже признавать, что в его армии нет боеспособных конных частей, продолжая возлагать надежды на разбитую армию Мамонтова. В. Г. Краснов пишет, что Врангель понимал, что в деморализованной и отступающей армии ему места нет, так как с ними новых побед и славы не добудешь. Да и не верил Врангель уже во враждебно настроенного к нему генерала Деникина и понимал, что скоро он потерпит полный крах, а в нем Врангель не хотел принимать участия. Такие же враждебные отношения у Врангеля сложились и с Шкуро, которого он не пустил в возглавляемую им Добровольческую армию. Эти отношения были взаимны. Краснов замечает, что поражение армии Деникина и ее катастрофическое отступление произошло внезапно для всех, и то, что считали основой для зарождающейся русской государственности, потерпело крах в первой серьезной кампании[44].

Когда В. Г. Краснов описывает Врангеля как правителя Крыма, то изрядно критикует его правление. Отмечается, что залог успеха в дальнейшей войне с большевиками Врангель видел беспрекословном подчинении его неограниченной власти, и его сильно беспокоило, что престиж Главного командования упал. Донцы хотели скорее вернуться домой и не думали уже о новом походе на Москву, что грозило расколом в белом стане. Но В. Г. Краснов показывает, что Врангелю удалось переменить такую позицию донцов. Отмечается, что хоть в Крыму под командованием Врангеля и собрались все сторонники Белого движения, но лишь малая часть была способна воевать. Врангель переформировал армию, провел мобилизацию и усилил технические части. По мнению В. Г. Краснова, для этого Врангель располагал временем, обстановка благоприятствовала ему[45].

Но Краснов акцентирует отрицательные стороны режима Врангеля, подчеркивая, что контрразведка фактически стала органом управления Крыма, наводила порядок, военно-полевые суды выносили смертные приговоры. По оценкам В. Г. Краснова, одними жесткими мерами Врангелю было

невозможно добиться своих целей, и он привлекает на свою сторону население Крыма, разработав экономическую и социально-политическую программу, с помощью которых хотел поднять уровень жизни населения, установить закон и порядок и ввести демократическое управление. Тем самым Врангель и его окружение хотели создать более широкую социальную опору и привлечь на свою сторону население тех районов, которые он хотел завоевать.

Характеризуя Врангеля как монархиста и реставратора, В. Г. Краснов отмечает, что Врангель старался придать своей власти демократический вид, который воспевала подконтрольная ему пресса[46]. Автор критикует и «Закон о земле», который был подготовлен сподвижниками П. А. Столыпина и проводился в интересах землевладельцев. Отмечается, что закон был написан языком, непонятным для широких масс крестьян и многочисленные оговорки в законе сводили на нет объявления об ограничении владений помещиков и других крупных собственников. В. Г. Краснов пишет, что если бы реформа и осуществилась, то она не смогла бы «расширить социальную базу Врангеля, так как сохраняла довольно крупное землевладение»[47]. Как и Деникин, Врангель надеялся найти опору в казачестве.

Но симпатии рядовых казаков были не в пользу Врангеля, что и предопределило крах очередного его начинания. Жизнь в Крыму постоянно ухудшалась, была массовая безработица, а Врангель так и не смог удовлетворить потребности населения. Крестьянство, как отмечается в книге, находилось в тяжелом положении. Крестьяне скептически относились к прочности власти Врангеля, поэтому считали платежи за землю пропащим делом. Это очень пагубно сказывалось на власти Врангеля, так как крестьяне отказывались помогать армии и, несмотря на репрессии и мобилизации, при первой же возможности дезертировали из армии. Карательные отряды, проводящие конфискацию имущества у родственников дезертиров, фактически безнаказанно грабили население, а власть уездных и волостных начальников над крестьянами ничем не ограничивалась. Недовольство росло и из-за беззастенчивого мародерства крымского воинства.

Приводя все эти отрицательные стороны режима Врангеля, В. Г. Краснов приходит к выводу, что популярность Врангеля в народе падала, прочный тыл у него отсутствовал, а ему самому приходилось надеяться только на силу и помощь иностранных союзников, на что и была направлена вся внешнеполитическая деятельность Врангеля. Наступательный и оборонительный союз, заключенный между французским правительство и генералом Врангелем, как отмечает Краснов, делал французов полными хозяевами России. «Для спасения Белого дела в России генерал Врангель готов был поступиться какими-либо угрызениями совести»[48].

После того как Русская армия Врангеля разгромила Ударную группу 13-й Красной армии, она превратилась в серьезного противника. В. Г. Краснов отмечает, именно тогда Врангель переживал «медовый месяц своих побед» и вся слава его героических предков меркла перед его собственной славой. Краснов продолжает характеристику Врангеля: «Он рожден управлять людскими массами! Он выкует из этого хаоса все, что пожелает, как выковал из деникинского сброда свои железные корпуса»[49]. Именно эти черты подвигли Врангеля пойти ва-банк, ибо он верил в свой шанс, который получил вместе с полнотой власти и славой, которые он так долго ждал и добился. В. Г. Краснов пишет, что в свою незаурядность Врангель верил давно, но именно в Крыму он проверил свои возможности, железную волю и право управлять жизнью огромных человеческих масс. Однако автор пишет, что, несмотря на то, что Врангель выгнал из своей армии Покровского и Шкуро, появились другие, которые продолжали бесчинства и грабежи, которые в свое время разложили деникинскую ар-

мию, за что Врангель карал без пощады. Также отмечается еще одна причина, погубившая Деникина – «тупое великодержавничество, «Единая и Неделимая», неумение найти общий язык с окраинными народностями»[50].

В. Г. Краснов анализирует и конфликт Врангеля с генералом Слащевым (непризнанным гением, давнишним соперником Врангеля), который после падения Деникина также хотел стать диктатором – его имя в то время звучало наравне с именем Врангеля. Краснов отмечает, что за решительность и рвение Врангель терпел Слащева, прощал ему пьянство и скандалы, однако в результате решил избавиться от него, так как войскам не нужно было двух вождей. «То, что история доверила ему, Врангелю, он не намерен делить ни с кем!»[51]. Отмечается, что Врангель шел на все, ради сохранения власти. Его союз с Махно, по сути, был чисто махновским и если бы он существовал в действительности, то он дал бы Врангелю множество настоящих бойцов и привел бы к исчезновению на всей подконтрольной Врангелю территории «зеленых».

Также В. Г. Краснов констатирует, что Врангель и месяца не мог бы просуществовать без военно-технической и политической поддержки союзников. Разгром десантов на Дону и Кубани автор характеризует как начало конца Русской армии, а заднепровская трагедия окончательно подорвала в войсках доверие к командующему, и именно тогда все поняли, что это стратегическое крушение Врангеля и конец армии. Краснов отмечает, что Врангель явно переоценил свои возможности. И, несмотря на все поражения, Краснов пишет, что в ставке Врангеля происходило то же, что когда-то в ставке Деникина – все продолжали тешить себя иллюзиями и ждать еще одного возвышения и шанса.

Говоря об эмиграционном периоде деятельности Врангеля, В. Г. Краснов возвращается к его положительному оцениванию и пишет, что в труднейших условиях Галлиполи Врангель и его окружение пытались сохранить армию в боеспособном состоянии и предотвратить ее разложение, так как еще верили в возможность возобновления борьбы с большевиками, так как оставили Крым не для того, чтобы быть эмигрантами. А чтобы вернуться в Россию и служить ей. Для чего и нужна была боеспособная армия. Но мечтания, планы и положения вождей Белого движения вступали в противоречие с реальными жизненными потребностями большинства русских эмигрантов, пребывавших в сложном психологическом состоянии, что отрицательно сказывалось на армии. Ведь притязания Врангеля на роль лидера всей военной эмиграции и его попытки сохранить строгую военную организацию воспринимались в среде офицерства неоднозначно. Многие не разделяли его взглядов на аполитичность армии, впоследствии нашлись даже оппоненты среди различных воинских союзов.

И тем не менее В. Г. Краснов показывает новые и новые просчеты Врангеля. Например, генерал ликвидировал любую возможность связать себя с русской общественностью за рубежом, которая могла предоставить психологическую и материальную поддержку, обладая большими финансовыми средствами и международными связями. Требование Врангеля аполитичности офицерских союзов, как показывает В. Г. Краснов, привело к результатам, противоположным тем, которых хотел добиться сам генерал – его влияние и престиж в эмигрантской среде резко падал. Отмечается, что ближайшее окружение Врангеля не способствовало росту его популярности, а даже наоборот. В первую очередь в этом обвиняется генерал А. П. Кутепов, которого автор называет помощником и конкурентом Врангеля за лидерство в русской военной эмиграции.

У Врангеля действительно не было толковых помощников, из-за чего его лидерство и популярность неумолимо иссякали. Это объясняется тем, что Врангель все де-

лал один и не держал около себя умных людей. В такой обстановке ему ничего не оставалось, как показывает В. Г. Краснов, кроме как опереться на великого князя Николая Николаевича. Автор заключает: «Видимо, генерал Врангель был плохим политиком»[52]. Генерал Врангель, по мнению В. Г. Краснова, был слишком честолюбив и ревнив к своей популярности, которую старался оберегать. Но автор не винит его в этом, так как считает, что это естественно для человека, сполна понявшем, что такое власть. В разложении Русской армии и всего Белого движения за границей автор также отмечает советские спецслужбы – ГПУ и Разведупр РККА[53].

В. Г. Краснов доказывает, что покушение на Врангеля в 1921 г. инициировали и осуществили французы, которые не хотели убивать Врангеля, а только хотели припугнуть, чтобы добиться его отъезда из Константинополя. Именно французы, заключает автор, могли быстро и без особых хлопот организовать такую операцию на подконтрольной им территории[54]. Автор не ставит под сомнение, что ГПУ было причастно к смерти Врангеля. Он объясняет это тем, что «железный» генерал Кутепов с подконтрольными бойцами, готовившийся начать активную борьбу с большевиками, к которому скептически относился Врангель, был опасен для Москвы. Именно Кутепов, а не Врангель внушал страх большевикам. Но убрать его можно было только с помощью советского агента Скоблина, которого Врангель отправил в отставку, но к которому благоволил Кутепов. Автор пишет, что единственно возможный план по устранению Кутепова заключался в первичном устранении Врангеля, преемником которого мог стать только Кутепов. После этого Кутепов вернул бы Скоблина по постановлению великого князя Николая Николаевича на пост руководителя корниловцев. И тогда Скоблин, по мнению В. Г. Краснова, смог бы провести операцию по устранению генерала Кутепова[55].

Таким образом, книга построена в целом на положительной оценке генерала Врангеля и отрицательной характеристике его оппонентов. Выделяя отрицательные стороны деятельности Врангеля, В. Г. Краснов в то же время старается оправдать его. Он объясняет промахи Врангеля тем, что военный талант редко сопровождается политическим дарованьем и пишет, что в белом движении эта черта была присуща абсолютно всем. Честолюбие Врангеля оправдывается тем, что почти для всех лидеров Белого движения более характерным было возвеличивание собственного имени, пренебрежение к мнению других, неуемная жажда власти, стремление к личному благополучию и сплошная политическая демагогия[56].

Подводя итог и обобщая все выше сказанное можно отметить, что обязательным для всех подобного рода исследований является изображение антибольшевистского движения через призму личной драмы того или иного его лидера на почве осознания собственного бессилия обуздать революционную стихию в России. Причем многие авторы пытаются сознательно внести в работу элементы интриги.

Но так или иначе все эти работы представляют собой стандартную модель коммуникации, в которой есть отправитель, сообщение и адресат. Само же сообщение порождается, а позже интерпретируется, исходя из определенного кода, общего и для отправителя, и для получателя. В процессе коммуникации вырабатывается и определенный литературный стиль, исключающий определенные указатели специализации. Характерно, что все данные работы рассчитаны на достаточно широкую аудиторию, поэтому отправитель и адресат присутствуют в них не как реальные полюсы сообщения, а как одно целое. При этом работы нацелены на вполне определенные реакции более или менее определенного круга читателей, поэтому открыты для различной интерпретации. Идеологические пристрастия могут привести к

тому, что критически настроенный читатель может выявить невысказанные идеологические предпосылки текста работы. И, наконец, фреймовое оформление работ отличается удобовоспринимаемым форматом[57].

По существу, речь идет о процессе формирования очередных мифов, обозначающих подлинные и реальные события, сакральные и служащие для подражания. Они строятся по традиционной схеме и включают в себя традиционные параметры[58]:

- составляет историю подвигов лидеров Белого движения;
- составляет парадигму всем значимым актам человеческого поведения;
- миф «проживается» аудиторией, которая захвачена вдохновляющей мощью воссозданных в памяти и реактуализированных событий;
- познавая миф, человек познает происхождение многих явлений и процессов, связанных с Гражданской войной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Эрман И.* Новые представления об истории в Швейцарии и влияние советской истории // Историческое знание в современной России: Дискуссии и поиски новых подходов. – М., 2005. – С. 80–81.

[2] *Каменский А. Б.* Историческая наука в условиях переходного общества// Историческое знание в современной России: Дискуссии и поиски новых подходов. – М., 2005. – С. 58–59.

[3] Белые генералы. Серия «Исторические силуэты». – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 4.

[4] *Румянцева М. Ф.* Теория истории. – М., 2002. – С. 23.

[5] Марков и марковцы. – М., 2001; Каппель и каппелевцы. – М., 2003; Дроздовский и дроздовцы. – М., 2006; Граф Келлер. – М., 2007; За спиной Колчака. Документы и материалы. – М., 2005.

[6] *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак. Исследователь, адмирал, Верховный правитель России. – М., 2003; Русская Армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. – М., 2003; Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма. – М., 2003.; *Черкасов-Георгиевский В. Г.* Генерал П. Н. Врангель. Последний рыцарь Российской империи. – М., 2004; Восточный фронт адмирала Колчака. – М., 2004; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. – М., 2006.

[7] *Володихин Д. М.* Душа белого дела. Генерал Кутепов // Историческое обозрение. Вып. 8. – М., 2007. – С. 67.

[8] *Козлов А.* Генерал Деникин; *Финкельштейн Ю.* Симон Петлюра. Серия «Исторические силуэты». – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 11.

[9] *Шишов А. В.* Корнилов. Несостоявшийся диктатор. – М., 2004; *Шишов А. В.* Юденич. Генерал суворовской школы. – М., 2004; *Черкашин Н. А.* Адмирал Колчак: диктатор поневоле. – М., 2005; *Смирнов А. А.* Атаман Семенов. Последний защитник империи. – М., 2005.

[10] *Шишов А. В.* Корнилов. Несостоявшийся диктатор. – С. 5.

[11] Там же. С. 86.

[12] Там же. С. 59.

[13] Там же. С. 122.

[14] Там же. С. 167.

[15] Там же. С. 184.

[16] Там же. С. 410.

[17] Там же. С. 334.

[18] Там же. С. 382.

[19] Там же. С. 412, 422.

[20] *Черкашин Н. А.* Указ. соч. С. 107.

[21] Там же. С. 128.

[22] Там же. С. 242.

[23] Там же. С. 269.

[24] Там же. С. 301.

[25] Там же. С. 311.

[26] Там же. С. 317.

[27] *Смирнов А. А.* Атаман Семенов. Последний защитник империи. – М., 2005. – С. 356.

[28] *Марковчин В. В.* Три атамана. – М., 2003.
[29] Там же. С. 9.
[30] Там же. С. 108.
[31] Там же. С. 160.
[32] *Синюков В. В.* Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. – М., 2004. – С. 368.
[33] *Краснов В. Г.* Врангель. Трагический триумф барона: Документы. Мнения. Размышления. – М., 2006.
[34] Там же. С. 5.
[35] Там же. С. 84.
[36] Там же. С. 156.
[37] Там же. С. 157.
[38] Там же. С. 172.
[39] Там же. С. 187.
[40] Там же. С. 258.
[41] Там же. С. 293.
[42] Там же. С. 340.
[43] Там же.
[44] Там же. С. 417.
[45] Там же. С. 433.
[46] Там же. С. 436–437.
[47] Там же. С. 441.
[48] Там же. С. 466.
[49] Там же. С. 452.
[50] Там же. С. 464.
[51] Там же. С. 465.
[52] Там же. С. 583.
[53] Там же. С. 585.
[54] Там же. С. 641.
[55] Там же. С. 650–652.
[56] Там же. С. 631.
[57] *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб., 2005. – С. 14, 19, 45, 53.
[58] *Элиаде М.* Аспекты мифа. – М., 2005. – С. 23–24.